

Астрадени Джейн

ЛЕГЕНДЫ КОСМОСА

СОЗВЕЗДИЕ МЕЧА

ЧАСТЬ 3

Аннотация

Шакренион — планета необъяснимых явлений и загадок. Поющие недра, отражения над горизонтом, разумные и злобные деревья... Настоящая грибная охота!.. И самая жуткая тайна спрятана в сердце Чёрного леса. Туда же отправилась группа смельчаков, чтобы найти разгадку... Сумеют ли они вернуться оттуда живыми и невредимыми? Станет ли в мире шакренов одной тайной меньше или родится новая Легенда?.. А в это время где-то в глубоком космосе на корабле-астероиде необычному подростку предстоят суровые испытания. Сможет ли он перед лицом опасности победить гатрака в себе?

Джейн Астрадени

Созвездие Меча. Часть 3

«Всякому лесу — своя вея».

Шакренская народная мудрость

«По гатраку и астероид».

Из речи гатракского вождя

**Сага о героях звёзд, грандиозных открытиях и
величайших победах**

Поветрие...

«В каждом лесу живёт своя тайна».

Так говорил Дерсца м¹ Келами н Удурста йл. Великий шакрен! Мудрец, воин и основоположник философии Дар-Шакренар. Но какие-то ученики-шутники переиначили высказывание по-своему: «всякому лесу — своя вея». И в таком виде оно, как ни странно, вошло в поговорку.

Однако Вирил из Гнезда Старвернайла точно знал — веи в чёрном лесу не водились. Зато его

---

¹ Дерсцам* — великий учитель, мудрец (шакренск.).

неугомонный тавимишари² Рамитин утверждал обратное, рассказывая небылицы о «чернокудых и чернооких чари миче³». Якобы видел одну у ручья, как она расчёсывала побеги-волосы узорчатым гребнем...

— «Гриб это был, — посмеивался над ним Вирил. — Большой и дряхлый».

Грибы-мутчабы иногда вымахивали ростом с шакрена.

— «Напустил пыли, навёл дурману, вот тебе и привиделось. Пока он удирал».

Так оборонялись только старые и трухлявые. Пыль вызывала пятиминутную эйфорию, галлюцинации или галлюциногенный сон, без вреда для нейронов. Обычно, взрослый шакрен отделялся лёгкой головной болью.

Но сами деревья источали опасность...

Сейчас они крепко спали и казались мёртвыми. За исключением тех, что росли стеной и возвышались крепостью в центре Чёрного леса. От них-то и почковались грибы... И каждый грибной

---

² Тавимишари* — буквально рождённый(е) в одном Гнезде, по человеческим понятиям эквивалентно слову брат(ья), родич(и) (шакренск.).

³ Чаримиче* — прекрасный цветок (шакренск.).

сезон шакрены этих «пасынков» отстреливали. Для этого не было нужды тревожить деревья в глубине. Мутчабы, напившись соками, стекались в редколесье целыми колониями, чтобы размножиться. В этот период их полагалось отлавливать и отстреливать.

«Пока не заполонили планету и не прорвались в космос», — так шутили охотники.

В грибной сезон любой самрай-шак мог прилететь на базу, поохотится и заготовить себе пару бочонков мутчи — питательного белкового волокна, полезного для укрепления активных нейронов. Ведь натуральный продукт намного вкуснее синтезированного, а процесс его поимки так увлекателен.

Охота!

Самрай-шак ждали её целый оборот и тщательно готовились. А до начала травли в Чёрный лес отправляли разведчиков. В этом сезоне выбор пал на близнецов Сирила Старвернайла. Вирил с Рамитином недавно вернулись из Обители Шакренар и собирались подтвердить статус самрай-шак. Вирил готовился стать воином, а Рамитин учёным...

Под ногой хрустнула ветка.

Вирил отвлёкся от философских раздумий, остановился и огляделся. Вокруг темнела упавшая листва. Чёрные деревья — единственные на

Шакренионе скопом теряли листву, чтобы затем разом обрасти по новой...

Рамитина в отличие от Вирила всегда занимал этот факт. Однажды, когда они ещё жили в Гнезде в городе Дальнего берега, Рами спросил учителя, как мёртвые деревья способны отращивать листья. Учитель терпеливо ответил, что деревья не мёртвые, а всего лишь крепко спят, просыпаясь на четверть оборота, чтобы пить влагу Шакрениона, цвести и увядать...

— «А зачем? — норовил подловить учителя пытливый сари-шак. — Если в Чёрном лесу веи не живут?»

— «Ради грибов, — строго напоминал учитель, и маленький проказник тут же получал дисциплинарное задание.

Но любознательный ученик всё равно не унимался и взрослым не верил. Рамитин был убеждён, что от сари-шак скрывают какую-то захватывающую правду.

— «Наверняка там обитают самые восхитительные веи, — сочинял он, чем приводил в ужас своего тавимишари. — Только нам не говорят».

— «Какой в этом смысл?» — осаживал его рассудительный Вирил.

— «Не знаю, — беспечно заявлял Рамитин, — но выясню обязательно».

У Рамитина всегда преобладало стремление докапываться до сути.

— «Я — исследователь!» — гордо заявлял он...

«И где ты закопался со своей жадной исследования?» — сердито подумал Вирил, поддевая ногой чёрную кучу... В облаке сухих листьев из-за ближайшего дерева метнулся ндарим — юркий, светлый и быстрый, в отличие от мощного, тёмного и сильного у Вирила. Ндарим Рамитина припустил по тропинке, ускользнув от будущего воина.

«Жвиб!»

И он рванул за проекцией.

Не иначе Рами угодил в неприятности, а сильному тавимишари снова придётся его выручать.

Так повелось с самого детства. Хотя, было дело, Вирил пережил нападение безумного самрай-шак... Но тогда его спас не Рамитин. Впрочем, самое страшное, что когда-либо случалось с Рами — это подвёрнутая нога или древесный укус. А теперь почему-то неудержимо тянуло к деревьям.

«Потому что в детстве его ужалило грибо-дерево», — объяснял Сирил.

Да, странная была история...

Однажды Рами зашёл далеко в лес без

защитного костюма. На спор. За что и поплатился. Едва откачали...

Вирил сокрушённо вздохнул и ускорил бег — вот-вот нагонит хитрого ндарима... И неспроста Рами влекло в лес. Его манили веи. Причём, не только раз в оборот, как всякого нормального самрай-шак, а ежедневно и без перерыва. Как попробовал свою первую вею, так и понеслось....

— «Ты — неправильный самрай-шак, — выговаривал ему Вирил. — Даже инстинкты у тебя неправильные».

— «А что в этом мире правильного?» — смеялся в ответ Рамитин.

— «Философия Шакрениона...» — заводился Вирил.

— «Её так много, что я в ней растворяюсь, — шутил Рамитин. — Что такого? Я же исследователь. Мне нравится всё изучать, особенно вей. Они такие очаровательные...».

Веи, веи... Это ещё полбеды! Рамитина неудержимо тянуло и к другим видам, похожим на чарим-вей.

— «Нельзя так», — сокрушался Вирил, слясь вразумить тавимишари.

— «Почему? — удивлялся Рамитин. — Мне нравится, когда мой ндарим резвится на свободе».

— «Добегаешься! Когда-нибудь...».

— «Напугал! Я — исследователь. Мне

полагается забираться в труднодоступные места, а ты — воин. Твоя участь быть снаружи — настороже».

— «Смеёшься надо мной?» — огорчился Вирил.

— «Немножко», — признавался Рамитин и однажды заявил брату, как бы между прочим, во время тренировки ндаримов в степи:

— «И перед нами живой пример отрицания...».

— «Это кто это?» — насторожился Вирил.

— «Шар-ке⁴».

— «Что?! Безумный ндарим! Твои нейроны взбесились... Не иначе».

— «Сколько угодно отворачивайся от истины, но у отца это было с земной женщиной».

— «Женщина? У Сирила? Бред... Кто?!»

— «А сам рассуди».

Но Вирил и слышать об этом не хотел. Он не мыслил в чуждых его природе категориях. Однако на этот раз...

— «Неужели... Ева?»

Рамитин утвердительно кивнул, а его ндарим довольно фыркнул.

— «Нет, — Вирил отказывался это принять,

---

⁴ Шар-ке* — старший родич, родитель, отец (шакренск.).

но всё же попытался. — Ладно... Может и было. Один раз. Но тогда Арини...».

Всех в Гнезде удивляло, что Сирил до сих пор встречается с веей из Бирюзового леса. А раз в цикл они улетали в горы и там уединялись.

— «Нет! Такое не для меня», — непреклонно заявил Вирил, наблюдая за ндаримом. Тот прогуливался вдалеке, тяжело подпрыгивая и ныряя в серебристую траву.

— «Как пожелаешь, — Рамитин пожевал травинку. — А я не вижу ничего плохого в том, чтобы сорвать лишний поцелуй с уст хорошенькой веечки. Без последствий».

— «Как ты можешь? — Вирил наморщил лоб. — Когда они горькие на вкус...».

— «О, гуцци⁵! Это не они горькие, а твои ферменты... Нейроны подают сигнал, но ты можешь ими управлять.

— «Как?»

— «Легко. Ты же управляешь ндаримом».

Рами отпустил своего, и тот беззаботно скакал вокруг близнецов.

---

⁵ Гуцци* — производное уменьшительно-снисходительное от гуацц, означает дурачок, неумеха (шакренск.).

Гуацц — глупый, неумелый и неуклюжий ндарим (шакр. миф.).

— «А если я не хочу управлять?» — Вирил вызывающе прищурился.

— «Тогда.... — Рами внезапно подскочил к нему и ткнул пальцем в середину налобного рисунка. — Ты — дикарь».

Вирил отшатнулся и прикрыл лоб ладонью.

— «Я не дикарь! Просто не хочу этим управлять. В жизни и без того забот хватает. Лучше я буду ждать...».

— «О, гуцци! — рассмеялся Рамитин, наблюдая за ндаримом тавимишари, грузно ступающим по шак-начи ^б в дрожащей степной дымке. — Тебе не хватает лёгкости. Ты чересчур тяжёл, Вири, и... неповоротлив».

«Фуух!» — взвились листья перед лицом шакрена и обсыпали его с головы до ног, а юркий ндарим сиганул с дерева прямо ему на макушку. — «Фырр!»

Послышался тихий смех... Вирил раздражённо отряхнулся и сбросил с себя ндарима Рамитина.

— Прекрати, — хмуро попросил он. — Где ты был?

---

^б Шак-начи* — то, из чего состоит планета Шакрениона, аналогично — земля (шакренск.). Ступать по шак-начи — идти по земле (Шакрениону).

— Ходил к ручью, — Рами появился из-за дерева и распылил ндарима.

— Опять за старое?

— Я там кого-то видел, — доверительно сообщил тавимишари. — Не успел рассмотреть... Удрал...

— О, гуцци! Не мели чепухи.

Рамитин приготовился спорить, но Вирил с улыбкой добавил:

— Каков гриб.

— О грибах! — Рами мигом оживился и забыл о разногласиях. — Я видел целую вереницу. Бежали вдоль ручья, к просеке. И ещё несколько крупных одиночек. Заметили меня и скрылись в чаще.

— Я тоже нашёл. Четыре поляны. Эти ещё не отпочковались от мутчицы. Но дней через восемь созреют. Я и отсюда чую их запах.

Он принялся.

— Пойдём. Скоро придут охотники и гости... Надо готовить базу.

Вирил развернулся и направился к опушке, где шакрены оставили свои гам-метеоры.

«Шурр!» — зашуршали листья. Вирил круто обернулся, надеясь поймать тавимишари с поличным... А Рамитин просто стоял и смотрел в гущу леса, куда, мелькая среди деревьев, шустрим косяком сматывались грибы.

— Эцце и реччи ⁷! — хором воскликнули близнецы.

«Цце... чччи!» — гулко отскакивая от стволин, вторил им голос леса, постепенно затухая вдали и сменяясь шёпотом:

— «Цццреччии...».

Тавимишари переглянулись.

— Ух ты, — рассмеялся Рамитин. — Поймали эхо. Удача!

И мечтательно посмотрел вслед грибам... Этот взгляд не укрылся от Вирила.

— Накличешь на себя беду, — тихонько предупредил он брата, угадав, где блуждают его мысли. — Чёрное сердце таит угрозу. Говорят, деревья там черней чёрного... Там без вести пропадают.

— Веришь в эти сказки? — Рами тряхнул головой, структурируя нейроны.

— Это не сказки. Ты знаешь...

Рамитин кивнул.

— Знаю.

Пять оборотов назад двое смельчаков отправили в Чёрный лес своих ндаримов. В самое сердце... А через два часа впали в нейронную кому.

---

⁷ Эцце и реччи* — славная будет охота, удачной охоты (шакренск.).

— Тем более нужно выяснить, в чём там дело.

— Отважные воины не пошли туда, — сурово заметил Вирил и благодушно спросил:

— А ты куда лезешь?

Рамитин покрутил головой, и налобный узор заблестел, будто его спрыснули вейской любовной росой.

— Здесь не воины надобны, учёные. Разгадать загадку Чёрного леса...

«Хрясь!» — Вирил в сердцах переломил ветку, попавшую ему под руку, и решительно двинулся к месту стоянки.

— Ты — неисправим, — на ходу бросил он тавимишари. — Идём.

— Эцце и реччи! — выкрикнул напоследок Рамитин, приставив ладони ко рту, и лесное эхо многократно отозвалось ему. Улыбаясь своим мыслям, шакрен догнал брата и пошёл рядом.

А из таинственных дебрей повеяло холодком...

«Славная будет охота!»

Сезон 3. На два фронта

*«Удачно пройди свой день до закатного моста
и перейди сквозь тьму к восходному маяку».*

Приветствие шакренов дневному путнику

Звёздная дата — 3.12. Охотники за грибами

3.12.1. — Генетические причуды

— Ты уверен, что это правильно?

— Я не делаю, о-руджанн, если до конца не уверен.

— С каких это пор, а-джаммар? Ты перестал рисковать...

Женя с Талехом препирались уже полчаса. Очередной рекорд в их семейной жизни. А ругались они из-за Джардани.

Мальчик вырос!

Очаровательный малыш Джанни незаметно превратился в Джардани-подростка — развитого не по годам, а временами задиристого и довольно колючего. Буквально. И если джамм ещё крепко спал в нём — глубоко внутри, то гатрак частенько просыпался и вырывался наружу.

— Поверить не могу! — возмущалась Евгения. — Но узнаю джамрану. Всё провернул за моей спиной! А говоришь мне об этом только сейчас...

Условные сутки назад они покинули Ролдон-2 на сокращённой версии Рэпсида и направлялись в ближайшую из систем созвездия Цефея, взяв курс на Шакренион.

— Запланировал тайком и мне не сказал!

— Женя, успокойся, расслабься и наслаждайся полётом.

— У тебя на всё один ответ! Расслабься и наслаждайся...

— Прежде всего, успокойся.

— Как?! Как я могу успокоиться, зная, что мой единственный сын... Единственный! Заметь, из-за тебя... — Женя чуть не плакала, сразу вспомнились прошлые обиды, горести и недоразумения. — По твоей воле! Там! Один!

— Замечу... Не один, а с гатраками. Агрэгот не позволит и волоску упасть с его головы. Учитывая, что... Джанни и мой сын тоже.

— Там опасно! — выдвинула Евгения последний и самый веский довод.

— Прекрати, Ева. Он не пропадёт. И мы оба это знаем... Ему — четырнадцать. Лучше беспокойся за станцию.

— Не переводи стрелки...

— Да? А разве не благодаря тебе Рокен стал заместителем? В обход меня...

— Это же на время. Пока мы в отъезде. И... — Женькин энтузиазм резко поутих. Тревога за станцию росла по мере удаления от неё. Теперь идея с повышением Рокена не казалась такой замечательной. Евгения боялась представить, каким они застанут Ролдон-2, по возвращении, и найдут

ли его вообще. Однако...

— Рокену пора взрослеть, — решительно заключила она. — Хватит скакать кузнечиком! Он больше не на поручках. И потом, зам — это не капитан. Дмитрий не допустит катастрофы. Да и Нивилла обещала приглядывать...

— Знаю, как она приглядывает, — проворчал командор. — Так, что оба Ролдона останутся без присмотра.

— Талех, ты стареешь, — вздохнула Женька.

— Чего?

— И берёшь на себя чересчур много ответственности. Не кипешишь. Дмитрий за всем проследит.

— Знаю. Мы постоянно на связи... Так, что там было до этого, двумя репликами раньше...

— А, это... Ведёшь себя как старый сварливый деспот. Всех загонял! От каждого требуешь отчёта, а сам... Отправил ребёнка в ссылку на астероид, а я узнаю об этом последней. Ай...

— Ну-ка, повтори... Кто это старый и сварливый?!

Талех угрожающе двинулся к жене, на ходу расстёгивая китель.

— Куда убегаешь? Иди-ка сюда. Я тебе покажу... Насколько я стар... страшный и неутомимый... ти... таран!

Очередная погрешность РНК-переводчика?

Женька, хихикая, отступала вглубь каюты.

Она умышленно дразнила мужа. Ведь ему не было и шестидесяти, а для джамрану это даже не середина жизни, а только начало расцвета.

— Тиран... ммм...

Талех поймал её быстро, предоставив лишь немного форы, для забавы. Опрокинул на кровать, и, целуя, прошептал:

— Прекращай брюзжать... Лучше открой для меня свои гены...

В последующие два часа Женя сполна оценила его обманный маневр.

Но и кроме этого на Рэпсиде находились занятия по душе.

Капитан традиционно не торопился. Ради Женьки Талех совершил «круиз по туманностям», как он выражался. Поэтому до Шакрениона они летели неделю, а не восемь стандартных часов, растягивая удовольствие от полёта. Зато Женя воистину наслаждалась. Импульсная скорость хоть иногда позволяла любоваться видами на экране и за иллюминатором.

— Всё равно до начала охоты четверть фазы, — сказал Талех. — Куда нам спешить?

— Правильно, — подхватила Женя. — Полезно развеяться и побыть вдвоём.

На борту присутствовал минимум команды.

То есть, если не заходить в рубку или в инженерный, то за весь перелёт можно вообще никого не встретить. Женя с Талехом в кои-то веки остались наедине! И оба признали, что это самый шикарный отпуск за всю их совместную жизнь.

Когда Сирил позвал друзей на ежегодную грибную охоту, они единодушно приняли приглашение. Миритин отправился на Шакренион раньше — помочь с приготовлениями. А Супруги Риэ -Квиеза рхижь-ххардрэрда х по дороге закинули дочь к бабушке с дедушкой на Рахтор и теперь получали удовольствие от путешествия. Во всех смыслах!

Параллельно Женя проводила эксперимент. Знакомила мужа-джамрану с земной беллетристикой. С кинематографом они ещё раньше разделались, настала очередь литературы. На этот раз задача оказалась гораздо сложнее. Мозг джамрану отчаянно сопротивлялся.

— Не понимаю, зачем писать о вампирах? — недоумевал Талех. — Они же генетически непривлекательны.

— Ну-у... Жанр такой, мода, бренд...

— Хм... скорее бред.

И командор продолжил критиковать.

— Никакого развития! Сюжет зациклен сам на себе. Всю книгу мусолят — еда человек для вампира или не еда и как надо любить еду... Какой

в этом смысл? Очевидно же! Неразумно решать риторические вопросы художественными средствами. Всё и так ясно — любимая еда. Спроси у любого алактинца, он тебе скажет. И незачем об этом целую книгу писать, чтобы установить...

— Ну, существует ещё проблема отношения еды к пожирателю...

— Спроси Аманду, — машинально посоветовал муж. — ... О, даже так!

Это Талех обнаружил, что книг не одна, а двадцать и погрузился в следующую историю...

— Гатракскую мать! — командор наткнулся на оборотней. — Как не эстетично, глупо и примитивно!

— Конечно-конечно, милый, — Женя поспешно забрала у него планшет. — Я в курсе. Джамрану первыми открыли закон чистого превращения вещества и привнесли его во вселенную... Но авторы книг об этом тогда не знали.

С любовными романами обстояло ещё хуже. Талех от них засыпал. Правда, одним всё же впечатлился, настолько, что даже прослезился.

— Немыслимо! Мужчина соблазнял женщину на протяжении десяти книг? — командор был искренне потрясён. — Это сколько циклов-то? Бедолага... Ущербный... Его лечить надо, а не делать героем... И женщину, впрочем, тоже.

— Они же в конце это сделали и поженились, — Женя пыталась реабилитировать земную романтику в глазах джамрану. — Смотри! Вот же, на последней странице...

— Какая жестокость по отношению к ним! — вознегодовал Талех. — Несчастливым место в медцентре, а не в Театре бракосочетания.

А над земной эротикой командор хохотал так, что отражатели на иллюминаторах дребезжали, особенно после фразы:

«Он засадил свой поршень в её цилиндр и заработал со скоростью четырёхтактного двигателя».

То есть, само предложение в оригинале выглядело и читалась несколько иначе, но джамранский переводчик именно так всё и перевёл. И Талех долго поражался фантазии землян, «описывающих секс каких-то допотопных звездолётов».

К сожалению, детективы оказались для мышления джамрану и вовсе бесполезны. Командор с первых страниц просекал, кто убийца или, кто «украл портсигар»... После такого мозгового штурма, Евгения забоялась предлагать мужу научную фантастику и экшн.

Впрочем, она была к этому готова, зная, что у джамрану нет развлекательной массовой литературы. Более того, выяснила, что и

книгопечатания-то нет, в привычном смысле этого слова...

Предварительно Женьку осенило, и она решила зайти с другого конца.

— Поговорим о джамранских книгах. Я ведь читала... Сопоставим.

— Видишь ли, Женя, — задумчиво проговорил Талех, он всегда с этого начинал, когда не хотел её обидеть. — Есть категории несопоставимые. Джамранское творчество несопоставимо с земным.

— Почему?

— У нас процесс написания книги достаточно долгий и кропотливый, потому что...

— Знаю-знаю, джамрану пишут художественные произведения исключительно на полной речи...

Давным-давно Сандер её просветил.

— Не все, насколько мне известно, — блеснула она эрудицией.

— Ты не владеешь информацией...

— Так разъясни.

— Автор-джамрану пишет одну-единственную книгу на протяжении всей жизни. Немного находится одержимых, готовых посвятить этому всю жизнь. Поэтому джамранских писателей относительно мало, по сравнению с земными.

— То есть, это удел избранных?

— Не совсем. Правильнее — самоотверженно преданных генофонду.

— Генетических патриотов?

— Примерно... Дело в том, что книги у джамрану только рукописные. И не иначе.

Подлинное откровение!

— Думаю, о причинах ты догадываешься...

— Генофизика?

— Верно. Кроме знаний, опыта, информации, джамрану-писатель вкладывает в творение свои гены. Так, чтобы их прочитали и впитали его соплеменники. Даже по истечении сотен, тысяч и миллионов циклов...

— Хм... Но ведь... Каждая джамранская фонема и так содержит генетический код, выраженный звуком и буквой, а слова объединяют фонемы в геномы, в разнообразных сочетаниях, и джамрану считывают их наряду со смыслом.

Сандер не утаил и этот генетический секрет, когда обучал Женю основам джамранского стихосложения.

— Поверхностного восприятия недостаточно для джамрану. Необходимо ощутить гены всеми рецепторами. Вобрать их вкус, запах... Тебе не понять.

— Естественно... — Женя вздохнула.

— Но, я попробую объяснить... Настоящие

книги пишутся на особом материале. Назовём его... Полотно.

— А бумага?

— Бумага недолговечна. Специальным веществом... Как это по-вашему...

— Чернилами?

— Краской... Этим консервирующим составом заполняется приспособление для книгописания — зэ-ридэ или ДНК-колер... Давай покажу.

И Талех продемонстрировал жене инструмент для книгописания через поисковик гала-нета, пользуясь джамранским паролем. Зэ-ридэ напоминал древнюю шариковую ручку и нынешний стилус.

— ДНК-колер всей поверхностью собирает гены с подушечек пальцев автора, и они попадают в краску. Также продуцируется и собирается генетический пот. Для наибольшего эффекта. ДНК-краска остаётся и закрепляется на полотне. Ещё писатель может в процессе регулярно покусывать кончик зэ-ридэ, оставляя слюну, которая затем попадает в состав. А на рабочем конце инструмента выдвигается игла. Автор периодически прокалывает себе палец, используя кровь... Большинство древних научных трактатов написаны так же.

Женя была в шоке!

Джамранские книги создавались потом и кровью. Буквально! И слюной...

В такие страшные генетические тайны Сандер её не посвящал.

— Читая книгу, джамрану обязательно водит пальцем по буквам и считывает ДНК носителя, помимо зрительного восприятия генокодов...

— А краска не выгорает и не стирается?

— Исключено. Очень прочный состав. А добавочный консервант способен удерживать написанное и гены в нём — вечно... И полотно — не бумага.

— Значит, я...

— Да, ты никогда не сможешь читать джамранские книги наравне с джамрану. Более того, многие из них ты вообще не прочтёшь. Большинство хранится в архивах, в библиотеках на Серендале и Рахторе, или в частных собраниях.

— Но, как же... Планшеты! Я же читала... Тексты пишутся от руки и адаптируются?

— Нет. Это не книги... Чаще всего тебе попадались научно-популярные ДНК-спектрограммы, написанные посредством зэ-кэргю или ДНК-спектрографом.

— Как всё сложно...

— Проще простого, — рассмеялся Талех. — Инструмент зэ-кэргю — обычный компьютер с геносканером и сенсорной клавиатурой, в вашем

понимании. Сейчас учёные экспериментируют с мыслезаписями. Пытаются визуализировать мыслеобразы через прямой контакт с передатчиком. Пока это в стадии разработок. Однако это всё не то... ДНК-спектрографы проецируют гено-образы на экран, но не переносят их на полотно и не создают книг, в джамранском понимании...

— Печально.

— Совсем нет. С точки зрения генофонда они не представляют ценности для джамрану и никогда не станут.... Как это, по-вашему?..

— Классикой? — подсказал Женя.

Талех подумал, оценил пассаж РНК-сыворотки и ответил уклончиво.

— Бесценными и вечными. Они, безусловно, информативны, но представляют собой лишь отражение генетической памяти в сочетании с буквенными генокодами. Зачастую недолговечны. Им свойственно искажать подлинную генетическую информацию. Со временем заменяются другими или похожими. В них мало индивидуальности.

— А пишутся они тоже долго?

— Как раз нет. Все они зэ-кэргированы на укороченной версии языка. Зэ-ридированное полотно в отличие от них передаёт все речевые и генетические нюансы...

— Интересно... Какова жизнь самоотверженного писателя, полностью отдающего

себя одной книге?

— Иногда двум, — признался Талех. — В зависимости от желания и таланта автора. Бывают гении, способные написать три. Но это потолок.

— Конечно, автор одинок, ведёт замкнутый образ жизни и обретает известность посмертно...

— Вовсе нет, — рассмеялся муж. — Частенько пишут в соавторстве и обычно это супруги или постоянные генетические партнёры, по известным причинам. А так... Писатели как правило знамениты, ведут активный образ жизни, много путешествуют, обмениваются генами... Это особенно важно для полноты картины. Краска должна быть насыщена многообразием генов. Драгоценный генетический опыт, обработанный и переведённый в индивидуальную систему генокодов. Истинное наслаждение читать это!.. Ощущая зрительно, на вкус, на слух и запах... Умопомрачительное сочетание!..

Глаза командора светились, когда он об этом говорил.

— Тебе не понять...

— Увы... — снова вздохнула его супруга — человек.

— Не огорчайся, — Талех улыбнулся. — Для генетического наслаждения у тебя есть я...

— Знаю... Послушай, — Женьке показалось, что она нашла слабое место в джамранском

книгонаписании. — А на что живут авторы? Голодают?

— Отнюдь. Все они профессионалы. Каждый в своей сфере. Среди писателей распространены любые профессии, а неучей не допускают к официальному созданию книг. Для того и существуют генетические эксперты... Они назначают автору стимулирующее творческое пособие.

— И как это получается? Захотел написать книгу, пришёл к экспертам и... Заявил о своём намерении?

— Именно так. Эксперты изучают претендента, совещаются и принимают решение... Но, пока не было случаев, чтобы отказали. Кто попало туда не приходит.

— Хм, творческое пособие?

— Да, но с условиями.

— Кто бы сомневался! У джамрану всё с подтекстом и подвохом.

— А как же! Раз в полцикла автор обязан представить на суд экспертов то, что он сотворил. Оплата зависит от качества и объёма написанного. И ежели эксперты определяют, что писатель халтурил или отлынивал, то никакой выплаты он не получит, пока не перепишет...

— Сурово, — отметила Женя.

— Но справедливо. После такого некоторые

бросали писать, а цели достигали только упорные и вдохновлённые. Представив в конце жизни богатый информационно-генетический материал, воплощённый в книге, они признавались мастерами, а их детям и внукам продолжали выплачивать гонорар...

— Но ведь, как я поняла, книги у джамрану не продаются.

— Некоторые приобретаются для частных библиотек на аукционе. Учреждён творческий фонд.... Что-то вроде... Вы же платите налоги.

— И любая книга есть только в одном экземпляре?

— Не обязательно... Отважные добровольцы и исследователи генетического творчества, не обладающие художественными способностями, переписывают их для себя и для потомков... Но в этом случае книга приобретает иной генетический вкус. Весьма заманчиво... Переписчиков тоже поощряют, но по-другому тарифу. И конечно ценятся переписанные книги гораздо меньше.

Женя представила...

— Одинаковое содержание, приправленное разными генами... В этом есть что-то пикантное и жутковатое.

— Мы попробуем, — вдруг предложил Талех. — Вместе читать книги. Я купил несколько на Серендале и храню их на станции.

Евгения снова убедилась, что многого не знает о муже и не понимает, как ему удаётся это скрывать...

— Мы попробуем, — с воодушевлением повторил Талех. — Ты вполне созрела, а мне хочется попробовать что-то новенькое...

Евгении почудилось, что командор облизнулся.

— Я буду читать, и передавать тебе свои ощущения.

— Как?..

— Через генетический обмен...

— Ты... э... станешь читать мне вслух во время того как? — она не верила своим ушам.

— Да-а... Учítывая, что половина из них на староджаммском... Это будет невероятно захватывающе...

У Женьки не нашлось слов, особенно, когда она это представила. Одно дело чтение стихов в процессе, но... До таких чудес джамрано-землянских отношений они ещё не доходили. Хотя, на скуку и однообразие Евгения не жаловалась... И постепенно привыкая к возможности творческого генетического обмена, она спросила:

— А как же авторы ДНК-спектрографической литературы... Им тоже платят?

— Один раз, и ДНК-спектрограммы книгами

не считаются. Ни у кого не возникнет мысли читать их вслух или на ощупь...

Этим было всё сказано. И Женя впервые задумалась о перипетиях современного земного книгоиздания. С двадцать первого века многое изменилось, в определённую сторону... Но развить эту тему и обговорить её с Талехом она не успела. Мужу наскучили бесконечные разговоры о превратностях литературы. Вместо этого он припомнил кое-какие примеры из джамранских зэ-рукописей и загорелся желанием испробовать ряд генетических штучек вместе с женой... Всю дорогу до Шакрениона. Впредь она поостереглась обсуждать с ним тонкости джамранского книгописания. От греха подальше... Но в итоге ей понравилось...

Наконец на экранах возник Шакренион. Они прибыли! На день раньше срока, назначенного сборами. Командор немедленно вызвал офицера по этике и приказал разобраться с настройщиками синхронизатора времени. И Женя за них не вступилась, как прежде, уговаривая пощадить. Теперь немного осведомлённая в тонкостях межзвёздных перелётов, она понимала, что ничтожная ошибка может повлечь за собой роковые последствия. Например, они рисковали прибыть на Шакренион не на день раньше, а на сто лет позже.

Однако... Всё хорошо, что хорошо кончается

и начинается. Оставив Рэпсид на орбите под командованием старпома, а ныне и космического волка Дагена, Женя с Талехом сели в звездокатер, предоставленный космодромом. Оттуда перебрались во флайер, что отвёз их напрямик на охотничью базу...

— Это — домик? — опешила Евгения, разглядывая грандиозное сооружение с бойницами. — Охотничий домик?!

— В интерпретации РНК-переводчика, — с улыбкой ответил Сирил, радушно встречая гостей.

«Ну, да».

Жена накрепко уяснила, что речевые недоразумения в мире будущего принято сваливать на издержки РНК-сыворотки.

— Варама, Сирил! — Женя поприветствовала друга, задрав голову и пытаясь рассмотреть многоярусное нечто, затерянное в облаках. — Это же целая крепость или город...

Возведённый в лучших традициях шакренской архитектуры... Башни, здания, арки, мосты...

— Не такой уж он и огромный, — рассмеялся Миритин, выходя им навстречу и приветствуя всех разом. — Цё-Варама! Добро пожаловать на Шакренион!

Затем они взяли вещи и проследовали за встречающими в холл. Охотников пока собралось

немного. Основную группу ожидали завтра-послезавтра, да и те, что уже прибыли, разбрелись по своим «заимкам». Зато Женя, наконец, познакомилась с сари-шак Миритина.

Хотя, старшего — Иристина она неоднократно видела раньше, но теперь язык не поворачивался назвать его сари-шак. Взрослый сформировавшийся самрай-шак цикла на два постарше близнецов Сирила. А вот с последышами — Павирилом, Нетилом и Астином, встретилась впервые. Сперва она подумала, что они погодки. Но всё оказалось намного занятнее. Ни погодками, ни тройняшками эти тавимишари не были... Они родились в один и тот же оборот, с интервалом в несколько часов от трёх разных вей...

Степень Женькиного изумления не измерялась даже в космических величинах. Так она выяснила, что «двух веечек за один...» — это не просто крылатое выражение, а реальный исторический факт. И нехотя признала, что её представления о шакренах всё ещё малость наивны, радужны и граничат с фантазиями...

— Как же тебя угораздило, Миритин? — ошеломлённо спросила она.

— Бурная молодость, — загадочно ответил доктор, ни капли не смутившись, но едва заметил, что трое отпрысков — Павирил, Нетил и Астин наблюдают за ними, наострив уши, нарочито

веско и громко добавил:

— Но я никогда не забывал о долге!

И с гордостью сообщил:

— В Гнезде остался младшенький — Сантил.

Он предпочитает библиотеку охоте.

Впрочем, самых юных сари-шак к охоте не допускали.

— А Фиримин приедет? — поинтересовалась Женя.

— Вряд ли, — ответил Сирил. — Охота его не привлекает. Он с головой в науке.

— Как поживает Арини?

— Прекрасно, — на лице Сирила расцвела фирменная улыбка, вызванная отныне не Женькиным присутствием... Но она об этом ничуть не сожалела...

К ним подошёл главный учредитель охоты в этом сезоне — Зербитин. Поприветствовал гостей по-шаренски и отправился дальше — распорядиться сборами.

— Идёмте, провожу в апартаменты, — предложил Миритин, выхватывая сумку у озадаченной Женьки. — Они рядом с моими.

Сирил зашагал сбоку...

По дороге Евгения разглядывала внутреннее убранство крепости. Все эти «заспиртованные» грибы в больших прозрачных банках, а также оружие, силки и сети, развешанные по стенам...

Она старательно думала о том, что впереди их ждёт настоящее приключение. Но лишь тёплая и надёжная рука Талеха, внезапно сжавшая ей ладонь, помогла Евгении успокоиться и умерить биение сердца... И всё ещё только начиналось.

— Час вам на отдых, потом обед, — обернувшись к ним, весело рассказывал Миритин. — А после — на полигон. Научу, как управлять гам-метеором.

— Или хотя бы суметь удержаться на нём, — снисходительно заметил Сирил, а доктор подмигнул Женьке. Как всегда, желая её подбодрить.

Евгения вопросительно глянула на мужа. Талех пожал плечами. Но в глазах джамрану сквозило сочувствие. Он читал все её мысли. Даже те, о которых она не подозревала.

3.12.2. — Сборы

На следующий день грибников-охотников прибыло. Однако, к удивлению Женьки, столпотворения не возникло. Хотя...

«Нечему тут удивляться», — как справедливо заметил Талех.

«Это же шакрены, — продолжила его мысль Евгения, стоя на балконе центральной лестницы и опершись локтями на перила. — Крайне

упорядоченные».

Женька с утра наблюдала за суетой в холле. Её так захватило зрелище входящих, выходящих и обменивающихся приветствием самрай-шак, что она чуть не пропустила сигнал коммуникатора. Вообще-то, уже второй за сутки. Слабый писк извещал, что наступило время повторной инъекции РНК-сыворотки. Поскольку Женя частенько теряла счёт дням и ночам, то установила на своём коммуникаторе «таймер-оповеститель».

В первый раз он сработал ночью, огласив апартаменты шутливым предупреждением «прими пилюлю». Евгения установила этот брэнд из старого земного фильма. Но прививаться было уже поздно. Для этого пришлось бы разбудить Миритина, а по-местному пробил час ночи. Да и сама Женя устала и валилась с ног после усиленных тренировок на гам-метеорах. Таких ужасно вёртких, изящных и быстрых устройствах, напоминающих старые земные мотоциклы, но без колёс и с баками, заполненными реактивным аэрогелем... Вымоталась конкретно! Зато получила море впечатлений и острых ощущений.

Вчера она впервые увидела сирилят после долгой разлуки. В последний раз она встречалась с ними перед отправкой на обучение в Обитель. За это время они конечно выросли, изменились. И Женя слегка оробела при виде ндарима Вирила —

здоровенного тигра. Мускулы так и перекатывались под шкурой зверя, совсем как у молодого самрай-шак под тонкой обтягивающей водолазкой. Вири предусмотрительно скинул куртку, перед тем как тренировать женщину на гам-метеоре. Теперь он учил Женьку по просьбе отца. Поскольку у Сирила с Миритином через полчаса тренировки обнаружились неотложные дела, а тут близнецы вовремя подвернулись.

Рамитин с готовностью взялся инструктировать командора. А Вирилу досталась Женя, и, в отличие от брата, он держался весьма отстранённо и высказывался только по существу. Евгению это сбивало с толку. Ведь когда-то давно, когда она гостила в Гнезде Старвернайлов, у них с Вирилом установились более доверительные отношения, чем с Рамитином. Теперь же, Вирил уходил от попыток с её стороны просто поговорить. Женя приуныла. Вскоре Рамитин это заметил и предложил поменяться. Нашёл предлог, называется. Он никогда не упускал случая пообщаться с представителем другого вида, тем более с женщиной — удивительно точной копией чарим-вей.

Вирил охотно согласился. Он не собирался поощрять слабости тавимишари, но присутствие землянки его напрягало. И он понимал почему. Когда-то она спасла его... Нейроны отказывались

структурироваться в соответствии с этим знанием. Чувства симпатии и благодарности противоречили замешательству, что он испытывал при виде Евы. Её обманчивый облик и связь с его отцом... Это в голове не укладывалось! Стыдно признаться, но Вирил пока не был готов и к контакту с веями. Ему удалось подманить одну, перед окончанием сам-дакира, и даже станцевать с ней...

Танцами всё и ограничилось. А затем пришлось обратиться к одной из городских. О его позоре, недостойном воина самрай-шак, знал лишь Рамитин. Тавимишари долго смеялся, но вовсе не над мнимой несостоятельностью Вирила, как продолжателя рода, а над его глупым и самонадеянным убеждением, что настоящему самрай-шак всё должно удаваться с первого раза. Тогда почему у самого Рамитина всё не только получилось с первого раза, а получилось в квадрате?.. Успокаивать себя тем, что виновато дерево, укусившее тавимишари в период латентного созревания, не выходило.

Вирил уступил землянку брату, когда понял, что со своими инстинктами ему не совладать. Он дистанционно управлял гам-метеором, на котором сидела его ученица и заложил слишком крутой вираж. Женя еле справилась с переключением скоростей и чуть не упала. Шакрену стало стыдно, и он с радостью занялся джамрану.

Рамитин тотчас окружил Еву вниманием. Она быстро освоила азы управления гам-метеором и даже самостоятельно сделала несколько витков вокруг полигона. Вполне сносно. Рамитин был весел и предупредителен, а его ндарим, похожий на юркого горноста, ластился, льнул к рукам и тёрся об ноги. Теперь Вирил недовольно поглядывал на хохочущих Еву и Рами, катающихся в паре. В один из таких моментов Талех перехватил его взгляд. И при удобном случае, когда метеор командора поравнялся с метеорами Жени и Рамитина, и все трое притормозили, осуществляя разводку, он бросил:

— Не увлекайся.

Правда, оба увлечённых так и не уяснили, кому из них это замечание предназначалось и зачем. Но Вирил-то сообразил и постарался разубедить джамрану:

— Не сердись. Рамитин настоящий учёный. Он просто исследует другой вид.

— Как я его понимаю, — усмехнулся Талех, разглядывая смеющуюся жену и обворожительно улыбающегося Рамитина. Наблюдательного и опытного джамрану не проведёшь. Впрочем, за жену он не волновался, особенно в отношении к самрай-шак, но юный исследователь вёл себя чересчур откровенно и нехарактерно для шакрена в нерепродуктивный период.

«Надо бы поучить его, — решил Талех, — не обнаруживать свои отклонения столь явно. Ох уж эти бесхитростные шакреноиды!».

А Женя... Женя оттянулась на полную катушку в обществе Рамитина. С ним было приятно шутить, и обсуждать галактические проблемы, в коих Рами оказался чрезвычайно осведомлён. Женька отрыто восхищалась его умением вести беседу, и радовалась отсутствию культурных барьеров. Легко и весело они провели время. Теперь даже казалось странным, что в детстве Рамитин был менее открыт и доброжелателен, чем Вирил, и более независим. Похоже, всё изменилось...

И они не только болтали. Женя научилась-таки водить гам-метеор.

«Охо-хо...».

Сегодня закрепительная тренировка, для завтрашней охоты, а у неё все мышцы болят.

Вчера она упала без сил, и совсем не помнила, когда вернулся Талех. Командор ходил «улаживать» какие-то вопросы... И когда внезапно запищал коммуникатор, Женя на автомате продлила интервал оповещения до десяти условных часов и провалилась в сон.

С утра языковые барьеры Женьке не мешали. Они с Талехом позавтракали наедине в своих апартаментах, разговаривая по-джамрански. Женя

по-прежнему занималась, совершенствуя устную речь и стихосложение. Особенно с тех пор как родились дети. Она пела им земные колыбельные на джамранском и беседовала с ними на двух языках. Джардани и Диана всё схватывали налету и брали уроки алактинского и наггеварского на лингво-тренажёрах. Как известно, детей у джамрану запрещено прививать РНК-переводчиком до шестнадцати лет. Но Джанни и без того в совершенстве владел пятью языками, не считая русского и джамруннита. Диана от него не отставала, хотя у неё не проявилось генетических сверхспособностей брата, и гатракский ей абсолютно не давался. Зато она свободно общалась с «дядюшкой» Грегори на английском, а с «дядями» Халом и Гранталом на маркафском и окезском. Последнее во многом благодаря няне-окезке. Но шакренский язык дети учить не спешили, несмотря на его кажущуюся грамматическую простоту. Из-за трудностей произношения...

Женя вздрогнула. Кто-то неистово щёлкал и стрекотал прямо над ухом. Она недовольно обернулась. Перед ней стоял незнакомый шакрен и что-то говорил, с изумлением разглядывая её. Наверняка, из недавно прибывших.

— Я — не вея, — предупредила Женька, при таком скоплении самрай-шак это стало её дежурной фразой, — а человек с Земли.

Хоть табличку вешай!

И чуть не хлопнула себя по лбу. Вряд ли шакрен привит РНК-сывороткой, если конечно не исследователь.

«Переводчик!»

Женя полезла в карман и вспомнила, что забыла приборчик в комнате, в сумке, которую так до конца и не распаковала.

Шакрен приблизился, беспрерывно что-то стрекоча с цыканьем и прищёлкиванием. Именно так воспринимало шакренионский говор невооружённое земное ухо.

— Чёрт! — воскликнула Женька.

«Что ему надо?!»

Она вежливо улыбнулась, кивнула и попробовала обойти настойчивого «жука», чтобы попасть в коридор, ведущий в апартаменты. Не тут-то было! К прочим звукам добавилось певучее причмокивание. Самрай-шак заступил ей дорогу и схватил за руку.

Нет! Женя не верила, что нормальный шакрен способен причинить ей вред. Если этот конечно нормальный... Но её не волновали прикосновения. И ещё она знала, что в период спериума шакрены к охоте не допускались. Участники в обязательном порядке принимали таблетки, если попадали в фазу риска... Но все ли?

Евгения дёрнулась.

Безрезультатно!

Попробуй-ка вырваться из ласкового захвата взрослого самрай-шак... Он улыбнулся в ответ и сам отпустил её. Но Женя насторожилась, ощущая неладное, поспешно отступила к лестнице. И запнулась от неожиданности. Позади шакрена сгустилась пёстрая субстанция, состоящая будто из множества пикселей, уплотнилась, обрела совершенно демоническую форму с крыльями и хвостом, и устремилась к напуганной до чёртиков Женьке.

— Аааааа! — она отшатнулась и едва не свалилась с лестницы, но кто-то подхватил её и не позволил упасть. — Аааа...

— Сккиччи тцерррч, ктацч? — прострекотал за спиной знакомый голос.

Женя резко умолкла и повернула голову в надежде на спасение. Позади неё стоял Вирил. Он приподнял Женьку, аккуратно поставил её на середину площадки и повернулся к другому шакрену. Пока Евгения приходила в себя, Вирил что-то горячо втолковывал незнакомцу, сердито цвыркая и прищёлкивая. Тот не защищался и не оправдывался, а сконфуженно молчал. Немедленно втянул свои «пиксели» обратно. Что-то тихо ответил Вирилу, повернулся к землянке и слегка поклонился, приложив четыре пальца к сердцу. Виновато пощёлкал и быстро удалился. Женя перевела недоумённый взгляд на Вирила. И тот

вдруг рассмеялся. Она выдохнула:

— Что это было?

Вероятно, Вирил её понял, потому что сразу ответил:

— Гауччо крррчч.

— Не понимаю, — Евгения замотала головой. — У меня действие сыворотки закончилось.

Шакрен достал из кармана позитронный клипач и протянул Женьке.

— Уф! — она прикрепила его к уху и активировала.

— Теперь понимаешь? — с улыбкой спросил Вирил.

Женя кивнула, хотя уже не понимала другого. Резкой перемены настроения. Ещё вчера он — бука нелюдимая смотрел на неё исподлобья, а сегодня так очаровательно улыбался, почти как отец.

— Я... Прости! Мне стыдно...

— Отчего? — удивился Вирил.

— Орала как идиотка... Хорошо, что больше никто не слышал.

— Все слышали, — ответил Вирил, — но я оказался ближе, и всё уладил. Он принял тебя за вею.

— Неужели...

Краска медленно залила Женьке лицо, и щёки запылали. Она так и не избавилась от острой

психосоматической реакции, вызванной излишней эмоциональностью. То краснела, то бледнела. Даже Талеховы гены не помогли.

— Не беспокойся. Я всё ему объяснил. Он признал ошибку и извинился.

— У охотника период...эээ... интереса к вейам?

— Это исключено. Он всего лишь хотел узнать, кто тебя привёл.

— Хм...

— Вей тоже не допускаются, но некоторые отчаянные самрай-шак...

Женя прыснула. Вирил недоумённо умолк.

— Ой, извини. Но само это сочетание «отчаянный самрай-шак»...

— Понимаю, — он удовлетворённо кивнул. — Но спериум горазд вскружить нейроны и спутать проекции. Инстинкт есть инстинкт. Иногда молодые шакрены, стремясь к удовольствиям, не подавляют рилис, а тайком притаскивают вей на охоту. Раньше на это закрывали глаза, выказывая снисхождение молодняку, но после одного несчастного случая строго запретили.

А Женька думала, что знает о шакренах всё, или почти всё... Но жизнь всякий раз подкидывала ей сюрпризы.

— Это тебя испугало? — спросил Вирил. — Думала, что у него спериум?

— Нет, — честно ответила Женя. — Он сам.

— Разве ты боишься шакренов? Я полагал... Ты ведь тогда не боялась, — его улыбка стала особенно тёплой. — Когда спасала меня.

— Я это помню... А ещё, маленького Вири-сари, который делился со мной секретами и рассказывал, что лучше срывать медовые плоды по ночам.

— Всё меняется, — грустно заметил шакрен. — Но ты почти не изменилась. На мой взгляд... Я тоже запомнил. Так чего ты испугалась?

— А ты точно Вирил? — усомнилась Женька.

Раньше она их всегда различала, но теперь они выросли.

— Точно! — рассмеялся он и явил ей своего ндарима.

Женя снова залюбовалась великолепным тигром. Хотя его движения пока не соответствовали обычной кошачьей грации. Молодой и неопытный самрай-шак только научился контролировать ндарима. Как правило, на совершенствование движущихся нейронных проекций уходили годы...

Евгения не удержалась, протянула ладонь и восхищённо погладила бок тигра. Тот чуть слышно заурчал... Или почудилось?

А Вирил вдруг подхватил Женьку за талию и легко усадил на спину своему ндариму.

— Я умею больше, чем кажется. Куда тебя

проводить?

— К Миритину.

Пока они шагали по коридору, вернее, шёл Вирил, а Женя ехала верхом на его ндариме, она вкратце рассказала «сирилёнку» о той страхолюдине, что «вылезла» из незнакомого шакрена. Вирил снова рассмеялся.

— Ты испугалась ндарима?

— Какой ндарим? — Женька прижалась щекой к шкуре тигра. Ступал он степенно и мягко, слегка раскачиваясь при ходьбе. Если Вирил и прилагал дополнительные усилия для концентрации, удерживая проекцию вместе с человеком, то виртуозно и незаметно.

— Обыкновенный. Мой же тебе не страшен.

— Такой милый тигрёнок, — улыбнулась Женя. — Как его можно бояться?

— Кто? — удивился Вирил, так, что даже остановился и попытался повторить:

— Тиг-рёнок?

Евгения заметила, что они почти дошли и прыгнула с ндарима, на всякий случай. И ещё раз рассмотрела. Тигр, как тигр... Покрупнее земного, но... Всё же.

— Ну, не знаю... — растерялась она, чувствуя какой-то подвох.

— Вы ко мне? — из апартаментов выглянул Миритин, и Вирил убрал проекцию.

— У тебя же есть РНК-сыворотка? —
поинтересовалась Женя.

— Конечно, заходи.

— Тогда я пойду, — Вирил сдержанно кивнул
Еве, и в следующее мгновение она уже лицезрела
его спину.

Хм! Весь в отца! Его шар-ке обожал сбегать
точно так же.

«Ладно, — рассудила Женя. — Переводчик
верну потом».

Пока Миритин заряжал инъектор, к ним
заглянул Рамитин и, увидев Еву, остался.
Поболтать.

— Вот и всё, — Миритин убрал инъектор от
Женькиного плеча. — Через пару минут
подействует.

— Ты заболела? — обеспокоился Рамитин.

— Нет, — Евгения улыбнулась, забота
сирилёнка её растрогала. — Это РНК-сыворотка. Не
успела вчера уколоться.

Женьке нравилось разговаривать с
Рамитином. И внимание юного шакрена её не
смущало. Она помнила его ребёнком и
воспринимала как сына или младшего брата.

— Возьми, — Женя протянула ему
переводчик. — Отдашь Вирилу.

— Ты с ним уже виделась сегодня?

— Да, и заодно прокатилась верхом на

ндариме. У него такой... — она не договорила, потому что в комнату вошёл тот самый «страшный» шакрен. На этот раз с переводчиком на ухе.

Вот теперь Женька смутилась. Не хватало ещё прослыть среди шакренионцев трусихой «дрожащей перед ндаримом».

— Варама! — приветствовал соплеменников шакрен и, кинув беглый взгляд на землянку, поздоровался с ней отдельно.

— Цё-Варама! — хором ответили доктор и Рамитин, а Евгения лишь кивнула. На неё временно напал ступор...

— Я должен поговорить с тобой, — обратился незнакомец к Рами.

— Со мной? — удивился тот.

— Ты же Старвернайл?

— Да...

— Лактин, из гнезда Ортердайла, — представился шакрен. — Я здесь не ради охоты, а по долгу службы, как следопыт. Живу неподалёку, в горах, и расследую преступление.

База располагалась у подножия Шакренденеров — самой протяжённой горной цепи Шакрениона.

— Что привело сюда дневного путника? — встревожился Миритин, а Женя с Рами переглянулись.

— В этих местах объявилась банда

отщепенцев, — пояснил Лактин. — Бывшие хищники-одиночки сбились вместе. Произошло убийство, — он снова обратился к Рамитину. — А ты — важный свидетель.

— Я? — удивился Рами. — Я только недавно вернулся из сам-дакира...

— Нет, — Лактин покачал головой. — Дело не в нынешних убийствах, а в том, что случилось более пятнадцати оборотов назад. На тебя напал...

— А, — догадался Рамитин. — Тебе нужен Вирил. Мы близнецы. Я думал... Того отщепенца поймали и казнили.

— Так и есть, — кивнул следопыт и хмуро добавил. — Но у него тоже есть тавимишари.

Сердце у Женьки заныло. Она отчётливо вспомнила пещеру, ночь и Вири в лапах страшилища...

— Мы с напарником расследуем это дело, — сообщил Лактин. — Он — ночной странник. Мы из одного Гнезда, но от разных шар-ке.

Рамитин объяснил следопыту, как найти Вирила, и тот ушёл, попросив напоследок:

— Если увидите Рифина из гнезда Ортердайла, пришлите его ко мне.

— Вот какие дела творятся! — воскликнул Рамитин, едва шаги путника стихли.

— А кто эти путники-странники-следопыты? —

поинтересовалась Женя.

— Законники Обитатели, — ответил Миритин. — Однако путником или странником называют всякого, кто отправляется в путь, следуя через день или в ночь. А откуда ты его знаешь?

— Я его не знаю...

— Но он выделил тебя.

Женя вздохнула.

— Так, столкнулись на лестнице, — смущённо призналась она и рассказала историю с жутким ндаримом. — Или я чего-то не понимаю, или...

— Всё ясно, — констатировал Рамитин. — Ты же была без переводчика.

— Ну, и...

— В случае с шакренами РНК-сыворотка и позитронная матрица срабатывают двойко. Расшифровывают не только лингвистические, но и нейронные сигналы. Это ведь тоже своего рода код или язык. Образов. На чуждые вам нейронные проекции шакренов накладываются знакомые образы, существующие в индивидуальном сознании. Так или иначе, но в твоём представлении они соответствуют особенностям конкретного самрай-шак. Сама подумай. На Шакренионе земные твари не обитают. А местная фауна напоминает вашу очень отдалённо... Ты же видела.

Женя припомнила фиолетового ящера и

кзыкастого мишку близнецов.

— В действительности ндарим похож на что угодно. Шакрен сам создаёт любой образ. Сегодня вечером ты познакомишься с разнообразными нейронными проекциями. Настолько, насколько интерпретирует РНК-переводчик.

— И что это будет? — поинтересовалась Женя.

— Традиция, — пояснил Рамитин. — Охота всегда начинается с представления.

— И заканчивается грибным пиром, — улыбнулся Миритин.

— Конечно! — воскликнул Рами. — В лесу определённно кто-то был. Может, один из банды. Сообщу Лактину.

И убежал.

— Шустрый сирилёнок, — рассмеялась Женька и спросила Миритина. — А ты собираешься на представление?

— Разумеется. Это же традиция. И повод для гордости. В представлении участвуют недавние выпускники Обители. Мои тоже.

— Я обязательно приду, — заявила Женя. — Даже если Талех откажется.

— Не откажется, — усмехнулся доктор. — Это незабываемое зрелище бывает раз в оборот и только на Шакренионе, в сезон охоты или в Обители.

У Женьки запиликал коммуникатор.

— Сирил... Зовёт на полигон, — Евгения поморщилась. — О-ой! А у меня после вчерашнего всё болит.

— Подожди, — Миритин достал из саквояжа баночку и протянул ей. — Разотрись перед тренировкой. Станет легче.

Это действительно помогло, и боль испарилась. В итоге, обед Женя пропустила, катаясь с Сирилом на гам-метеорах по окрестностям и любуясь осенними дарами Шакрениона. Осенними — условно. Ведь на Шакренионе не существовало привычной для человека с Земли смены времён года. Впрочем, и Земля давно перестала быть для Женьки привычной. Всё по станциям, да по Ролдонам с Серендалом. В основном. А на Землю она летала всего два раза, после давнишнего путешествия с Грегори. Сперва, чтобы показать детям свою родину и родственников, потом — на похороны прапрабабушки Энн...

Шакренион очаровывал, как всегда, и не хотелось думать о былом. И пока Талех упражнялся с оружием на муляжах, обманках и движущихся мишенях, Сирил и Женя сгоняли к водопадам. Перелетели реку и, обогнув лес, устремились обратно, в горы... Оттуда база выглядела древней шакренской крепостью. Только

отреставрированной и напичканной новейшими технологиями. Шакренский охотничий домик! Одним словом...

— Бандитов не боишься? — спросила Женька у Сирила.

— Я не прочь нескольких облучить, — ответил он, указывая на пристёгнутый к боку излучатель. — И удрать.

— Ну, я бы сразу драпала. Зачем их дразнить.

— Не бойся, — Сирил улыбнулся. — Они вряд ли объявятся неподалёку от базы, где полно вооружённых шакренов. Думаю, на время охоты они затаятся. Но ты права, уже поздно, и нам пора возвращаться.

На самом деле, Женька бы ещё летала и летала...

Вернулись они аккуратно к ужину. А едва стемнело, как принялись готовиться к представлению. Дети Миритина и Сирила тоже участвовали в нём. Это была своеобразная проверка умений, необходимых для взрослого самрай-шак.

Зрители собрались на балконах, площадках, лестницах и на крыше базы. Сотни прожекторов образовали световой круг на фоне Чёрного леса. Участники представления уселись на гам-метеоры. Покружили над лесом, демонстрируя фигуры пилотажа, а затем...

Началось!

Самрай-шак изображали проекциями древнюю, как этот мир, легенду. Показывали леденящие кровь истории чёрного леса, одну увлекательней другой. Яркими картинками прошлого, подсвеченного разноцветными прожекторами настоящего, рисовали живые мифы ушедшего бытия. А кто-то из старших шакренов сидел в башне и комментировал всё происходящее в громкоговоритель.

Легенды завораживали. Но одна Женьку особенно потрясла. В исполнении Рамитина.

«Когда-то давным-давно в Шакренденерской долине привольно шумели разноцветные леса и обитали в них гордые чаримиче. Но самый жестокий из всех шакренов — воин Кудулин из гнезда Курмулайна привёл войско и безжалостно истребил все деревья. Он приказал выжечь леса и пленить вей. После расправы, шакрены возвели на месте бывшего города чарим-вей неприступную крепость и назвали её Цмурруцче...

И жили они там в своё удовольствие, совершая набеги на соседние Гнёзда. Пировали без страха и забот, и развлекались, мучая вей. Не ведали воины Шакрениона, что сожжённые деревья успели бросить семена в почву...

Спустя пять оборотов семена дали всходы. За одну ночь побегии превратились в могучие чёрные деревья с колючими кронами. К утру крепость

обступил чёрный лес. На рассвете деревья проросли внутрь жилища, пока утомлённые дикими забавами и продолжением рода, самрай-шак спали крепким сном... Лес захватил их врасплох! Ветви душили воинов, а колючки травили древесным ядом. К закату в крепости не осталось в живых ни одного шакрена».

А вот куда потом делись вей — история умалчивала...

Впрочем, по другой легенде они же и посадили, и вырастили чёрные деревья втайне от шакренов... Хотя, в те времена не могли заимствовать ускоритель роста из джамранской генетической лаборатории или у алактинцев.

В общем, шакренская мифология всегда предоставляла много пищи для размышления.

Но самым гвоздём программы стал звездопад.

Как только закончилось представление, и выключились прожекторы, белые вспышки-пунктиры расчертили ночное небо.

Женя сперва подумала, что этот фейерверк шакрены устроили. Но Сирил объяснил, что дождь из метеоров сыпался на Шакренион пять оборотов назад, в это же время — точно в сезон охоты. С тех пор его ждали каждый раз, тоже по традиции. Нынче им несказанно везло. На совпадения.

— Они будут падать и падать, и вспыхивать до утра, — добавил Миритин.

— А знаешь, — намекнул Талех, когда они с Женькой вернулись в свои апартаменты. — Говорят, под звёздным дождём — самый восхитительный обмен.

— Ты заразился Шакренионом? — рассмеялась Женя, но в целом с ним согласилась.

Теперь она сильно подозревала, что всё это подстроили джамрану.

3.12.3. — Охота

Ружьё для охоты на мутчабов, или цу геч, напоминало малый арбалет. И крепилось плотно к предплечью. Только стреляли эти мини-арбалеты не стрелами, а пинокапсулями, выпускающими сетчатые коконы и ферментные кляксы. Поражали они только грибы, не причиняя вреда охотникам. Дополнительно у каждого участника имелся специальный нож, которым поверженных добивали. Это, и множество других интересных подробностей, Женя узнала от Рамитина.

— Зачем такие сложности? — недоумевала она.

Рамитин охотно растолковал, на время став Женькиным гидом.

Воистину, пошёл в отца! Кое в чём...

— Для остроты и красоты ритуала, — с готовностью отвечал шакрен. — И безопасности

охотников. Чтобы не ранить кого-нибудь из своих или случайного путника в охотничьем запале.

— Но это жестоко... — пробормотала Женя.

— Что?

— Заставлять их мучиться.

— Они не мучаются, — усмехнулся проходящий мимо Вирил и случайно уловивший их разговор. — У них нет нейронов.

— Это вы так думаете, — заметила Евгения. — Если они живые, значит, всё ощущают.

— Но не думают, — вмешался в разговор Сирил. — А, следовательно, этого не понимают.

«Вот как!»

— То есть, самрай-шак в прежние времена считали, что веи тоже без нейронов? — каверзно уточнила Женя.

— Почему? — удивился Рами.

— Как эукариоты, веи гораздо ближе к грибам, чем к человекообразным насекомым. И древние шакрены их мучили.

— Мы — нет, — напомнил Сирил.

— О чём спор? — Талех подогнал к ним свой метеор.

В этот ранний безветренный час охотники стояли колонной у кромки леса, ожидая сигнала. Воздух был по-утреннему чист и свеж. Едва рассвело, и зарницы раскрасили небо в розовато-палевый цвет.

— Ева борется за права грибов, — с усмешкой отозвался Сирил.

Командор выразительно посмотрел на жену.

— А что? — Евгения пожала плечами. — Ну, ладно. Можешь не напоминать про уставы и чужой монастырь... Сама знаю.

— Найду Миритина, — Сирил развернул гам-метеор. — Где-то напутствует своих.

Пролетая мимо Евы, он притормозил, и тихо заметил:

— У вей есть нейроны. Этим они и отличаются от грибов.

Прибавил скорость и уже издалека до них донеслось:

— Чуете?! Пахнет грибами!

Женя принюхалась и действительно ощутила незнакомый сливочно-терпкий дух. А Сирил умчался на другой конец охотничьей колонны.

Перед началом охоты шакрены в последний раз проверяли снаряжение и оснащение гам-метеоров. Подтягивали ремешки на куртках и штанах, закрепляли цугечи, испытывали на прочность ботинки и каски.

Женя с Талехом тоже облачились в спецодежду, поверх обычной, повседневной.

— Ну, каски я ещё понимаю, — ворчала Женя, в пятый раз перешнуровывая ботинки по требованию Рамитина. — Но это вот зачем?

— Защита от грибов, — объяснил Вирил, шагая обратно. — Мутчабы так и норовят покусать за ноги.

— Ой...

— Не слушай его, — рассмеялся Рамитин. — У грибов нет зубов. Ботинки защитят ноги от древесных корней. Деревья любят высовывать их наружу, во сне, и ставить подножки.

Вирил на этот раз задержался и спросил:

— Хочешь знать, почему мутчабы сперва обездвигивают? Настоящую причину.

— Угу...

Женя подозревала, что ответ ей не понравится.

— Из-за грибного сока. Это самое эффективное противоядие от укусов любого грибо-дерева.

— Точно-точно, — закивал Рамитин.

— Его-то им как раз и отпаивали, — добавил Вирил. — Однако сок нужно собирать у живого гриба. Пока он тёплый и дышит порами. Мёртвый гриб бесполезен, жидкость моментом сворачивается. И делают это так...

— Нет!

— Но тебе же придётся, — заметил Вирил и безжалостно развенчал Женькины идеалы:

— Всё очень просто. Надрез делается в месте соединения шляпки с туловищем...

«Вжик!»

«Перерезают горло, короче».

— И сок обильно течёт...

— Так вот для чего фляги!

Они были приторочены к багажнику каждого гам-метеора. Даже по нескольку штук.

— Именно, — подтвердил Вирил и, подмигнув Рамитину, отправился дальше.

Женя обречённо вздохнула и проверила, на всякий случай, хорошо ли закреплены ножны на голенище ботинка.

— Готова? — спросил Талех.

— Готова.

Убивать Евгения никого не собиралась. Её больше интересовал процесс, чем участие. Она всего лишь постигала шакренскую культуру и не верила, что сумеет поймать и зарезать хотя бы одного мутчаба. Зато прогуляется по лесу, потрогает антрацитовые стволы, и впитает в себя дух Шакрениона...

Под ногами шуршали чёрные листья. Ветер принёс их сюда и насыпал целые кучи. Что-то всё это напомнило... Увязалось цепочкой ассоциаций, и Женя осознала кое-что важное.

— Рами!

— Да, — шакрен отвлёкся от снаряжения и повернулся к ней.

— А это ваш путник... следовательно. Почему